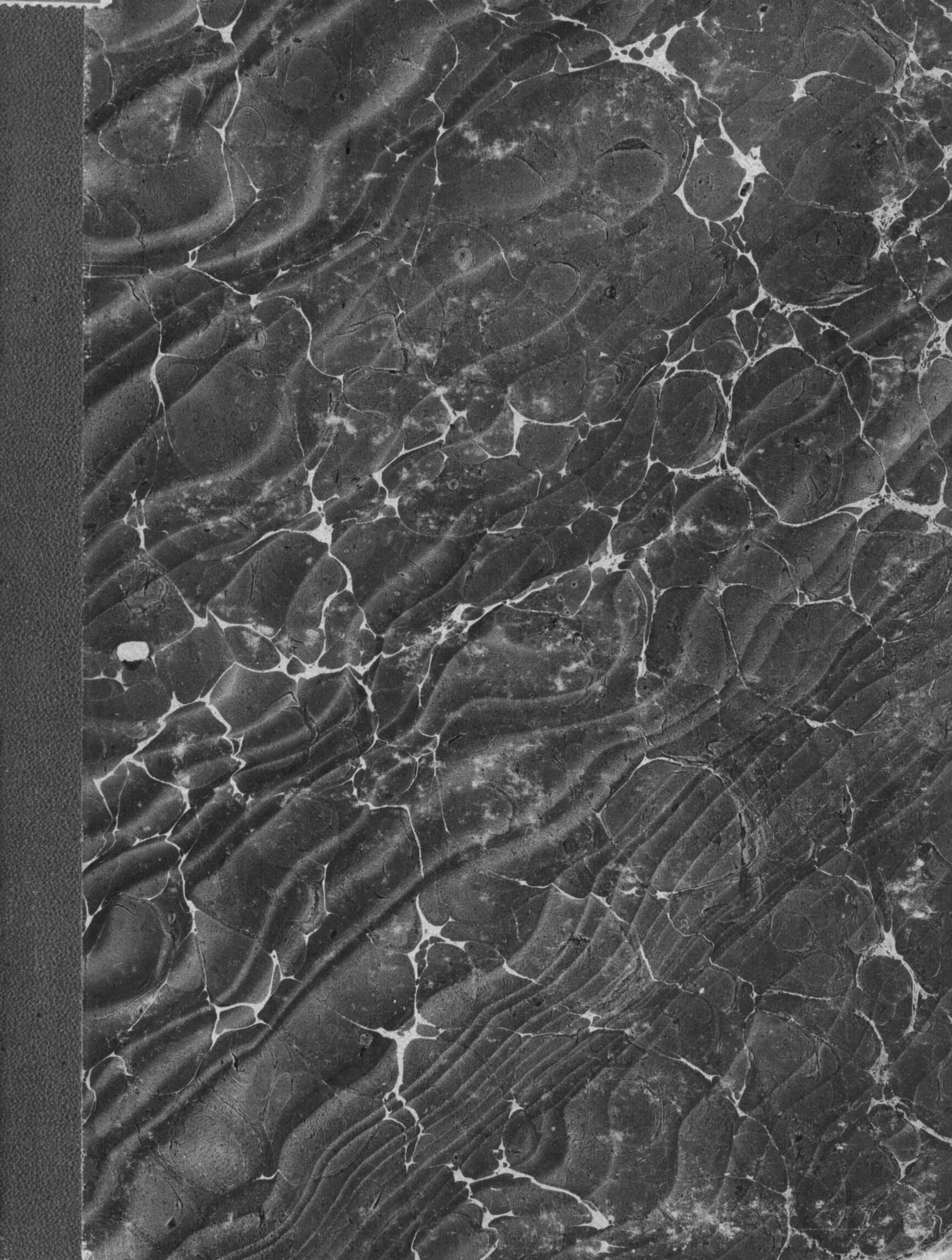

Vol. I
Nos. 2
No 36

B15363 U.

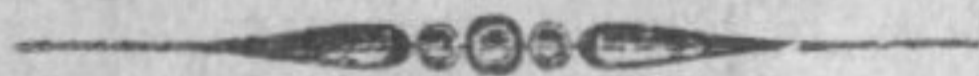
2428

B 15363 U.

ДНИ И МѢСЯЦЫ

УКРАИНСКАГО СЕЛЯНИНА,

М. А. Максимовича.

3352

МОСКВА.

Въ Типографіи Александра Семенова,
на Софійской улицѣ.

1856. ✓

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 28 дня
1856 года.

Ценсоръ Н. Фонз-Крузе.

(изъ Русской Бесѣды. Москва. 1856 г. № 1.)

ДНИ И МѢСЯЦЫ

УКРАИНСКАГО СЕЛЯНИНА.

(МИХАИЛА МАКСИМОВИЧА.)

І. МАРТЪ.

Въ древнее время на Украинѣ, какъ и вездѣ на Руси, годы начинались Мартомъ мѣсяцемъ. Съ XVI вѣка ввелся на Украинѣ Январскій годъ, и съ нимъ лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова, вмѣсто прежняго отъ Сотворенія міра. Но мѣсяць Мартъ не пересталъ быть началомъ Пасхальнаго года, и года естественнаго, такъ какъ съ него начинается *Весна*.

Въ нашихъ мѣсяцесловахъ Мартъ зовется еще *Березо-золема*, а по народному *Бѣрезнема* (какъ и у Чеховъ, Сербовъ—*Брезенъ*); у Червоной Руси это имя присвоилось Апрѣлю. При такой разности надобно знать, что *Бѣрезнема* называется въ народѣ собственно тотъ небесный мѣсяць, который нарождается въ великій постъ, и котораго исходъ бываетъ обыкновенно въ Апрѣль. Объ этомъ постовомъ мѣсяцѣ говорится на Украинѣ, что онъ разговляется *Паскою*; а *масничный* (т. е. масляничный) мѣсяць заговляется *варѣниками*; называется же постовой мѣсяць *Бѣрезнема* отъ бѣлой березы, которая въ это время уже течетъ своимъ сладкимъ сокомъ. На Украинѣ извѣстенъ еще *мѣсяць-Чернецъ*, который народился бы и изошелъ бы въ Великій постъ; объ немъ говорится: « якъ буде мѣсяць-Чернецъ, то буде й свѣту конецъ. » И мнѣ рассказывали старые люди въ Кіевѣ, какой страхъ былъ въ народѣ въ началѣ 1769 года (послѣ Колѣвщины передъ Чумою), когда прошла молва, что въ

томъ году будетъ уже мѣсяць-Чернецъ, и особенно какъ уже начинался моръ въ людяхъ.

Марта 1-го, на *Евдокии*, первымъ вѣстникомъ весны почитается зимоспящій степной звѣрёкъ *Бабакъ*: еще до восхода солнца, на *Евдокии*, онъ оживетъ и *свистнетъ*. За нимъ другой вѣстникъ весны и важный показатель будущаго лѣта—*вѣтеръ*. Весьма примѣчаетъ селянинъ, какой вѣтеръ бываетъ на *Евдокии*: если теплый, то и лѣто будетъ теплое; если ворочаетъ млины (т. е. мельницы), то будетъ и снопы въ полѣ ворочать; если вѣетъ отъ Днѣпра (съ запада), то будетъ рыба ловиться; если изъ степи (съ востока), то будетъ хорошо на пчелы; а если съ Низу Днѣпра (съ полудня), то будетъ урожай на хлѣбъ. Замѣчаютъ, въ какую сторону вѣетъ вѣтеръ на *Евдокии* и для того еще, чтобы въ ту сторону и пшеницу сѣять. Около этого дня птичка *Овсянка* начинаетъ пѣть Украинцу: «Покинь сани, возьми возъ!» А когда увидятъ первую *ластовку*, то бросаютъ на нее горсть земли, говоря: «на тобѣ, ластовко, на гнѣздо!» Объ ласточкахъ думаютъ, что онѣ не улетаютъ на зиму въ теплый вырай (*) (гдѣ за моремъ зимуютъ все отлетныя птицы), но, сѣбясь ножками одна съ другою, зимуютъ на днѣ рѣкъ, озеръ, криниць, и даже на днѣ моря.

Щебетали ластовочки,
 Зо дна моря вылѣтаючи;
 Говорили козаченьки
 Да по селу похожаючи....

Такъ зашѣваетъ старинная пѣсня о молодыхъ козакахъ, уходившихъ весною изъ Украины на Запорожье. О томъ же поютъ и въ *Веснянкахъ*.

А вже весна, а вже красна,
 Изъ стрѣхъ вода капле;
 Молодому козаченьку
 Мандрѣвочка пахне.

(*) Въ Поученіи Владиміра Мономаха сказано: «птицы небесныя изъ *ирья* идутъ..., да наполнятся лѣси и поля; все же то даль Богъ на угодые челоуѣкомъ, на снѣдъ, на веселье.»

Помандровавъ козаченько

У чистее поле;

За нимъ, за нимъ дѣвчинонька:

«Вернися, соколе!....»

Ведется повѣрье, что если, при видѣ первой ласточки, бросить горсть земли на грядку, говоря: «Кропъ сѣю!» такъ и выростетъ укропъ (который впрочемъ и безъ того растетъ по огородамъ само-сѣйкою).

Изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ на Украинѣ радуются особенно появленію голубаго *ряста* (*scilla bifolia*). Увидавъ въ первый разъ этотъ первоцвѣтъ, поспѣшно срываютъ его и топчутъ, приговаривая: «Топчу, топчу рясть.... дай, Боже, потоптати и того року дождати!» А топчутъ рясть для того, чтобы долго жить; и по этой макрoвi-отикѣ, если выздоравливаетъ трудный больной, то говорятъ: «Уже «вылѣзь на рясть»; а кто умретъ, говорятъ: «дуба давъ.»

Украинскій селянинъ полагаетъ, что до *перваго грома* земля не замерзаетъ вполнѣ, и примѣчаетъ: если первый громъ загремитъ на голое дерево, то надо ждать неурожая; если же загремитъ отъ запада, то будетъ урожайное лѣто. При первомъ громѣ, дѣвчата бѣгутъ умыться изъ криницы или рѣки и утереться своимъ краснымъ поясомъ — для красы; парубки хватаются за уголь хаты и силятся приподнять ее, чтобы силы прибыло; у кого болитъ спина или *поперекъ* (поясница), тотъ поспѣшаетъ приподнять возъ, или прислониться спиною къ столпу, полагая, что отъ того становится легче; а знающія бабы набираютъ изъ криницы воды, при первомъ громѣ, и мажутъ ею дѣтей отъ *пристрѣту* (который по книжному зовется «призоромъ очесъ»). До перваго грома Украинцы не садятся вечерять на дворѣ.

Мѣрта 9-го, въ день весеняго равноденствія, говорятъ: «Съ *Сорока Святыхъ* — сорокъ морозовъ буде»; и если не всѣ сорокъ бываютъ въ продолженіе весны, то остальныхъ ждутъ на лѣто. Говорится также, что «на Сорокъ Святыхъ сорока сорокъ паличокъ въ гнѣздо положить.» Въ школахъ ученики приносятъ на поклонъ учителю по сороку бубликовъ. А для дѣтей въ этотъ день пекутъ и раздають пшеничные *жайворонки*, во имя пернатаго пѣвца, ко-

торый прежде всѣхъ, еще на *прóвеснѣ*, прилетаетъ изъ *въ рая* радовать степи своимъ пѣніемъ.

Марта 17-го, на *теплаго Олексы*—«щука-рыба хвостомъ ледъ разбиваетъ.» Пасѣчники выставляютъ пчель изъ погребовъ; а если еще холодно, то выносятъ хоть два улья погрѣться на весенномъ солнцѣ.

Марта 25-го, на *Благовѣщенье*, такой святой день, что и птица гнѣзда не вьетъ. Встарину говорили, что въ этотъ день Господь благовѣститъ землю и открываетъ ее на сѣянье; а потому до Благовѣщенья не начинали сѣвбы на нивахъ, а поспѣшали кончать оранку на ярину; а «на Благовѣщенскомъ тыжднѣ — вдовицѣ плугъ.» Особенно благопріятнымъ день Благовѣщенья почитается у огородницъ для *капусты*, составляющей главный предметъ ихъ заботы и первую красу огорода; и онѣ стараются, чтобы во время заутрени посѣять хоть не много *розсады* (семень капустныхъ), гдѣ-нибудь въ затишномъ кутку огорода, или въ круглыхъ, плетеныхъ изъ лозы ясляхъ. Онѣ вѣрятъ, что въ ту пору можно находить розсаду подъ вишневымъ листомъ; да и вообще подъ деревомъ на землѣ, если повести рукою, то можно захватить розсаду, и что ее можно натрусить на рядно, въ погребу, изъ капустяныхъ головокъ. (Должно быть тѣ маленькіе и похожіе на зерна грибки, что заводятся въ погребу на капустѣ, подали поводъ къ последнему повѣрью). Но за то неблагопріятенъ этотъ день рожденію животныхъ. Полагаютъ навѣрное, что изъ *благовѣстнаго теляти* или *ягняти добра не ждати*, и поспѣшаютъ зарѣзать; что *благовѣсте яйце* будетъ болтунъ, или же изъ него вылупится калѣчное цыпля; а потому и не подсыпаютъ подъ насѣдку яицъ, снесенныхъ въ этотъ день. О погодѣ говорятъ, что такая будетъ и на Великдень, какая на Благовѣщенье. Впрочемъ отъ старыхъ людей услышите преданье, что въ старые годы время шло правильнѣе, чѣмъ теперь, и что уже на ихъ памяти время стало такъ переменчиво на землѣ, какъ оно теперь. Памятенъ еще обычай, что на Благовѣщенье дѣти вывозятъ бывало на лубку 80-лѣтнихъ дѣдовъ своихъ на улицу просить милостыни. Марта 26-е, на *Благовѣстника*, и теперь на Украинѣ почитается за великій праздникъ.

Мѣсяць Мартъ начинается обыкновенно на одной изъ трехъ первыхъ недѣль поста; рѣже приходится онъ на Масляной, или же на четвертой недѣлѣ, которая называется *Средокрестною*. На этой

недѣль особенно примѣтный день среда, называемый *хрестцями*: тогда ломается пополамъ постъ, и даже, говорятъ, слышенъ бываетъ трескъ. На хрестцѣ пекутъ пшеничные *хресты*, чтобы лучше родилась пшеница; половину ихъ съѣдаютъ въ тотъ же день, а другую уже на полѣ, когда выйдутъ сѣять пшеницу, и до того дня берегутъ въ погребѣ. А на хрестцѣ сѣютъ *макъ*, хоть бы то по снѣгу, лишь бы можно было вскопать какъ-нибудь землю. Макъ сѣютъ только дѣвчата да молодыя молодичицы, при чемъ онѣ приговариваютъ или же поютъ слѣдующую *приспѣвку*:

Крѣй долины макъ, макъ;
Крѣй широкой макъ, макъ —
Макъ чистый, головистый:
Головочки, якъ рѣпочки;
Молодые молодички
Завивали головочки.

Буде макъ тутъ,
Буде макъ тутъ!

Макъ и зерномъ и цвѣтомъ своимъ составляетъ роскошь Украинскаго селянина. Зерномъ своимъ, столь лакомымъ для Украинца (особенно въ медовыхъ *маковникахъ*) макъ вошелъ въ пословицу: «Бжъ, дурню, бо то зъ макомъ!» И еще другая пословица идетъ: «Сѣмъ лѣтъ Богъ маку не родивъ, да и голоду не було!» А *маковъ цвѣтъ*—роскошь красоты, особенно когда зацвѣтетъ имъ цѣлое *плѣсо* въ степи....

Ой, изъ могилы видно всѣ долины —
Сизокрылый орелъ пролетаетъ:
Стоитъ вѣйско славно Запорозьке —
А якъ макъ процвѣтае.

Такъ и о славномъ современникѣ Богдана, *Морозѣнкѣ*, объ этомъ цвѣтѣ козаччины, поютъ въ пѣсняхъ:

Морозенко козаченько
Якъ макъ роспускався;
Морозенко козаченько
Въ неволю понався.

Знающія бабы, вставъ до свѣта на хрестцѣ , и въ потьмахъ , безъ запаски, сѣвъ у порога , прядутъ по два *починка* , крутя веретено *навпаки* , т. е. отъ себя (а не къ себѣ, какъ прядутъ обыкновенно), и кладутъ ихъ *навхрестъ* ; этою пряжею онѣ перевязываютъ руки или ноги отъ *грыжи* (ломоты).

На *Похвальномъ* , т. е. на пятомъ тыжднѣ поста , примѣтный день суббота, которую зовутъ *Похвалою* , и говорятъ, что «на Похвалу сорѣка яйцемъ похвалятся.» Въ этотъ день сѣется капустная *розсада*.

Вербный тыждень зовется и *Вербичемъ*. О случающихся въ это время холодахъ есть пословица: «Прійшовъ вербичь, два кожуха терпчъ.» Не должно на этомъ тыжднѣ сѣять *буряковъ* (свеклы), а то будутъ горькіе. Въ вербную недѣлю приходящіе отъ заутрени со *святою вербою*, бьютъ ею спящихъ, приговаривая:

Верба хлѣсъ, бій до слѣзь!

Не я бью, верба бье.

За тыждень Великдень:

Будь великій, якъ верба,

А здоровый, якъ вода,

А богатый, якъ земля!

Пасѣчники поспѣшаютъ воротиться домой прежде всѣхъ , со святою вербою. Святую вербу берегаютъ , какъ цѣлебное средство отъ разныхъ недуговъ , людскихъ и скотскихъ , — между прочимъ , отъ дѣтскихъ *сухѣтъ*; знающія бабы въ отварѣ изъ неякупаютъ больное дитя, при свѣтѣ *полнаго* мѣсяца, приговаривая къ нему: «*Мл-сяцю-Адаме* , имя тобѣ Авраме ! дай тѣла на си кости ; а якъ не даси , то прійми мощи ! »

Страстная недѣля называется на Украинѣ *Бълою* , потому что тогда бѣлятъ хаты , и убираютъ все , приготавливаясь къ Великодню. Въ *Чистый четверг* моются , и выливаютъ всякую нечисть за дворъ, на распутье. Въ *Страстную субботу* сѣютъ *буряки*; и это дѣло поручается мужчинамъ. Чтобъ не были они горькіе, надобно сѣять ихъ *на щѣ сердце* (натошакъ), и когда не видно дыму изъ хатъ. Вообще огородину сѣютъ, какъ только повытапливаются хаты, чтобъ и грядки въ огородѣ были такъ полны, какъ полны горшки въ печи.

Въ продолженіе поста не гонять еще ни овецъ въ одну общую *ватагу*, ни *товару* (рогатаго) въ одну *чѣреду*; хлопцы и парубки пасутъ скотъ свой порознь, принимая подъ свое смотрѣніе и у сосѣдей, за что получаютъ отъ нихъ *займинку*—паляницы и прочее, и тѣмъ пробавляются. Молодой овчаръ къ заходу солнца поспѣшаетъ въ село повеселить однообразный день свой, и гоня ватагу съ поля, припѣваетъ:

Терешъ, терешъ, овечечки!

Терешъ, баранчата!

А я пойдю погуляю,

Де гарни дѣвчата.

Терешъ, терешъ, овечечки!

Терешъ, терешъ, бирки!

А я пойдю погуляю,

А де чернобривки.

Чернобровыя дѣвчата, поспѣшивъ отговѣться еще на второй недѣлѣ поста, выходятъ по вечерамъ на улицу, или иное просторное мѣсто, привѣтствовать весну своими звонкими *веснянками*.

Благослови, Боже,

Весну закликати,

Зиму провожати;

Ой, весна въ човночку,

Лѣтечко въ возочку.

Послѣ такого или иного общаго на всю весну запѣва, — дѣвчата, усѣвшись обыкновенно *черенемъ* (купою) или же *лавою* (рядомъ), поютъ повседневныя свои веснянки. Здѣсь, на побережьи Днѣпровскомъ, (гдѣ живу я) начинаютъ вечера обыкновенно слѣдующею пѣснею:

Орель поле изъоравъ, изъоравъ,

И ячменю насѣявъ, насѣявъ:

Роди, Боже, той ячмѣнь, той ячмѣнь,

Тожъ парубкамъ на коровай, на коровай,

Старымъ людямъ на пиво, на пиво,

А молодымъ на диво, на диво!

Орель поле изъоравъ, изъоравъ,

И пшеници насѣявъ, насѣявъ:
 Роди, Боже, пшеницю, пшеницю,
 Тожъ дѣвочкамъ на коровай, на коровай,
 Старымъ людямъ на пиво, на пиво,
 А молодымъ на диво, на диво!

Веснянки поются до Троицы; это пѣсни исключительно *дѣвическія*; парубки только слушатели, и вмѣшиваются въ нихъ только своими *жартами* (шутками), на которыя дѣвчата отпѣваютъ имъ веснянками. На примѣръ:

Торòхъ, торохъ.... сѣю горохъ,
 А врòдится брыця:
 Не пришлеться що добрее,
 Да все ледащиця.
 Торòхъ, торохъ.... сѣю горохъ
 А врòдится брыця:
 Взяли Туркы два парубкы,
 И мого чорнобривця!

Кончая вечеръ, дѣвчата поють, расходясь по домамъ:

Спѣвали дѣвочки, спѣвали;
 У решето пѣсни складали;
 Да й поставили на вербѣ:
 Де взялися горобци,
 Звалили решето до долу—
 Часъ вамъ, дѣвочки, до дому!

Молоденькія дѣвочки не принимаются къ пѣнію веснянокъ; но у дѣтей обоого пола есть свои веснянки, цѣлое лѣто продолжающіяся. Когда идетъ дождь, дѣти бѣгають подъ нимъ и припѣваютъ:

Дощику, дощику!
 Зварю тобѣ борщику,
 Въ новенькому горщику,
 Поставлю на дубочку:
 Дубочокъ схитнувся,
 А дощикъ линувся —
 Цебромъ, ведромъ, дойничкою,
 Надъ нашою пашничкою.

Когда находитъ туча, дѣти нагромоздятъ изъ песку или земли *дзвоницю* (колокольню) и, бьючи по ней палочками, припѣвають:

Бій, дзвоне, бій!

Хмару розбій!

Нехай хмара на Татаре,

А сонечко на Хрестяне!

Бій, дзвоне, бій!

Хмару розбій!

II. А П Р Ъ Л Ъ.

Второй мѣсяць весны зовется по Украински *Квѣтнемъ* или *Цвѣтнемъ*, ибо природа на Украинѣ является тогда въ первомъ цвѣту: бѣлая береза, убранная въ золотистыхъ серьгахъ, распускаетъ свои зеленыя косы; зазеленѣвшая степь красуется золотымъ *горницвѣтомъ* (*adonis vernalis*) и сребропушистымъ сономъ (*anemone*); вишневые сады стоятъ, какъ молокомъ облитые, и въ нихъ уже раздается щебетъ соловья. Въ этомъ же мѣсяцѣ обыкновенно и Украинскій людъ, какъ и весь Православный мѣръ, обрадованъ бываетъ *Великоднемъ* и христосається во имя воскресшаго Искупителя мѣра.

Въ Свѣтлый день сей, послѣ обѣдни, когда разговѣется уже каждый въ своей семьѣ—паскою и прочимъ *свяченымъ*, хлопцы ходятъ по дворамъ привѣтствовать всѣхъ троекратнымъ *Христось воскресъ!* и хозяева за то, давъ первому *хрестовальнику* пару Крашанокъ, всѣмъ прочимъ даютъ по одной, а говорящимъ *вирши* (т. е. стихи) даютъ и деньги. Въ старые годы *хрестовали* и взрослые. Известна большая великодная вирша, которую нѣкогда говорили Запорожцы *товарищу* и *батьку* своему *Грицьку*, великолѣпному *Потемкину*:

«Христось воскресъ радъ! мѣръ увесь,
Дождалися ласкы;

Теперь усякъ наѣсться въ смакъ

Свяченой паскы.

Веѣ гуляють, выхваляють

Воскресшого Бога;

А вже тая, що до рая,

Протерта дорога....» и т. д.

А въ Печерской Лаврѣ, когда тамъ великимъ Архимандритомъ былъ воеводичъ Молдавскихъ земель Петръ Могила, его привѣтствовали на Великдень печатными виршами — и знаменитые типографы Лаврскіе, Памва Берында и Тарасій Земка (книжкою «Умнологія си естъ Пѣснословіе» 1630 г.), и профессоръ Риторики, Софроній Почаскій, съ учениками Лаврскаго Могилинскаго Гимназіума (книжкою «Евхаристиріонъ албо Вдячность» 1632 г.).

Между тѣмъ какъ малые хлопцы идутъ *хрестовать* на село, пасѣчникъ идетъ въ пасѣку похристосаться съ своими ярими пчѣлками и несетъ имъ *безконечникъ* — писанку, испещренную вокругъ одною непрерывною чертою; онъ кладетъ ее подъ первый или *покутній* улей, называемый у Заднѣпровцевъ *хозяиномъ*, на которомъ всегда лежитъ ладанъ; а главный улей, *Зосимъ*, стоитъ всегда середь пасѣки.

На другой день, еще на разсвѣтѣ, ходятъ парубки *обливальники* по тѣмъ хатамъ, гдѣ есть взрослые дѣвчата, и за каждую получаютъ по парѣ крашанокъ въ свои ведра. Дѣвчата уже за благовременно ждуть ихъ; а которая заспалась бы или не успѣла бы обратиться до ихъ прихода, ту обливаютъ водою. Такъ ведется у насъ на степи при Супоѣ; и это есть остатокъ давняго Украинскаго обычая, описаннаго Боцланомъ (а) во второй половинѣ XVII-го вѣка, когда парубки обливали дѣвчатъ въ великодный *понедѣльникъ*, а дѣвчата парубковъ во *вторникъ*, какъ это понынѣ ведется у Словаковъ, у которыхъ есть пѣсенка объ этомъ: (б)

«Облѣвай, облѣвай власы ай главичку,

Але ми зашануй ту нову сукничку.»

(а) См. его *Описаніе Украйны*, переведенное Устряловымъ, 1832 года, стр. 79.

(б) См. Коларовы «*Narodnié Zpiewanky.*» 1834. Т. I. стр. 24 и 431.

Въ 31-й главѣ *Кіевскаго Синописа*, а также и въ *Кройникъ* или *Лѣтописи Густынской*, (подъ 988 годомъ), говорится «о обліяніи водою на *Великъ-день*»; но то, очевидно, взято изъ лѣтописцевъ Польши и относится къ ея обычаю. Наши степные обливальники-парубки, а также и дѣвчата, подъ вечеръ въ понедѣльникъ сходятся въ одну хату, и тамъ на общую *складку* пируютъ и веселятся съ пѣснями и музыкою, и иногда до свѣта. Съ великоднаго понедѣльника возобновляются и дѣвическія пѣсни-веснянки, примолкшія съ вербной субботы. Вотъ одна веснянка, вдохновленная мѣсяцемъ Квѣтнемъ въ сѣверной сторонѣ (она записана мною 1827 года, на берегахъ Шостки, впадающей въ Десну): (в)

Розлилися воды

На чотыри броды,

У першому бродѣ

Соловейко щebetавъ,

Зелены сады розвивавъ.

У другому бродѣ

Зозулька ковала,

Лѣтечко казала.

У третѣму бродѣ

Коничокъ заржавъ,

Вѣнь дорѣженьку почавъ.

А въ четвертомъ бродѣ

Да дѣвчина плаче,

За нелюбого идучи,

Свое лихо чуючи.

Съ Великодня къ обыкновеннымъ пѣснямъ-веснянкамъ присоединяются еще дѣвическія игры, сопровождаемыя особыми пѣснями и называемыя вообще *танками*. Эти игорныя веснянки на Украинѣ тоже, что въ Великой Руси *хороводы*, объ которыхъ и тамъ говорится въ народѣ: *танки водить*; и нѣкоторые изъ нихъ тѣ самые, что и на Украинѣ, какъ-то: *просо-сѣять*, *макъ-сѣять*, *Заюшка*, *Ящуръ*. А разница между ними та, что въ Великорусскихъ танкахъ или хороводахъ участвуютъ старъ и младъ обою пола, и водятъ ихъ съ весны до зимы, повершая ими нерѣдко и другіе праздники народные; но танки Южнорусскіе остаются исклю-

(в) См. моего изданія Малороссійскія пѣсни, 1827 года, стр. 159.

чительною собственностью дѣвчатъ и весны, ибо водять ихъ только съ Великодной до Зеленой недѣли. Великорусскими танками заправляетъ особая *хороводница*, женщина обыкновенно пожилая и нерѣдко вдова; а Украинскіе танки водять сами дѣвчата, изъ которыхъ передовою становится болѣе замѣтная или болѣе удалая въ играхъ. Одна изъ нихъ въ прошломъ столѣтіи воспѣта въ особой пѣснѣ, понынѣ любимой на обѣихъ сторонахъ Днѣпра: это прекрасная *Бондарѡвна*, злополучная жертва знаменитаго повѣсы Пана-Канѣвскаго (Потоцкаго).

Въ славнѡмъ мѣстѣ у Каневѣ
 Дѣвокъ танѡкъ ходить;
 Молодая Бондарѡвна,
 Усѣмъ передъ водить.... и т. д.

На Украинѣ, гдѣ нынѣ въ большой модѣ у дѣвчатъ пѣсни Московскія, и особенно солдатскія, давно извѣстна пѣсня:

«Какъ у нашихъ у воротъ
 Стояль дѣвокъ хороводъ».

Однако названье *хоровода* не пристаетъ къ танкамъ дѣвическимъ; и это потому, что на Украинѣ *корогодъ* имѣетъ совсѣмъ другое значеніе. *Корогодъ*, также какъ и *Коровай*, является только на *весельяхъ* т. е. на свадьбахъ. Въ брачную ночь, когда благополучная чета оставляется уже въ покоѣ, дружкѡ съ хмѣльнымъ причетомъ своимъ и музыкою шумно провожаетъ по селу *Корогода*, съ особенной о немъ пѣснею; при чемъ приданки и свашки поютъ и о Корогодовой женѣ-воеводѣ.

Дѣвическіе танки, по внѣшнему виду, бываютъ: 1) *Круговые*, которые водять, сомкнувшись въ кружокъ, таковы: *макъ-сѣять*, *кропъ*, *перепелка*, *заюшка*, *ящуръ*, *король*, *нѣлюбъ*, *переборѣць* и другіе; 2) *Ключевые*, которыя водять, сомкнувшись въ *одинъ ключъ*; таковы: *галка*, *чечѣтка*, *горобей*, *лѣсаниця*, *кривый-танѣць* и другіе; или же, сомкнувшись въ *два ключа*, какъ въ танкѣ *просо-сѣять* и въ *шумъ*.

Перепелкою становится въ средину круга одна изъ красивѣйшихъ дѣвчатъ и представляетъ тѣлодвиженіями то, о чемъ поютъ

ходящія вокругъ. При «старомъ мужичкѣ» она падаетъ на земь съ печальнымъ видомъ; при «молодомъ козачкѣ» вскакиваетъ весело, подпрыгивая и трепля въ ладоши; а при послѣднемъ стихѣ она старается выскочить изъ круга, но ее ловятъ и *туркаютъ* въ голову.

А въ перепелки да головка болить.

Туть була туть перепелочка;

Туть була туть бѣлозѣлочка. (г)

А въ перепелки да плечица болятъ.

А въ перепелки да реберця болятъ.

А въ перепелки да стегеньця болятъ.

А въ перепелки да колѣнця болятъ.

А въ перепелки подошовки болятъ.

А въ перепелки да старый мужичокъ.

А въ перепелки молодой козачокъ.

Перепелка иде и гостиньця несе.

Великолѣпный Великорусскій танокъ «Заплетися, плетень, заплетися» неизвѣстенъ на Украинѣ; а въ замѣнъ его есть свой шуточный танокъ, «Плету, плету лѣсъ, лѣсъ»,—въ насмѣшку надъ парубками, которые весною плетутъ *лѣсы* около дворовъ и огородовъ. Игра *макъ-спясть* на Украинѣ выходитъ красивѣе, чѣмъ въ Великой Руси; ибо здѣсь *маковкою* садится въ срединѣ круга красивая дѣвочка, которую подъ конецъ подкидываютъ вверхъ, представляя тѣмъ отряхиванье мака; а тамъ—*макомъ* бываетъ большею частью простачекъ-дѣтина, которому подъ конецъ, когда стануть отряхивать макъ, достается до слѣзъ (д).

Заюшка у насъ на Побережьи разыгрывается въ такомъ видѣ. Ставшая въ кругу прыгаетъ, стараясь выскочить подъ руками окружающихъ, но ея не выпускаютъ; подъ конецъ пѣсни она кланяется одной, и та становится на ея мѣсто, и такъ далѣе.

(г) Этотъ припѣвъ повторяется за каждымъ стихомъ, какъ повторяются припѣвы и въ другихъ пѣняхъ.

(д) См. у Сахарова «Пѣсни Русскаго Народа» 1838. Ч. II. стр. 296. — («Часто случается, что хороводникъ, лишенный отъ трясенія волосъ, начинаетъ драку»)

« Заюшка сѣресенькій,
 Заюшка бѣлесенькій!
 Заюшка скокомъ бокомъ
 Передъ моимъ карымъ окомъ!

Да нѣкуды зающѣ а не выскочити,
 Да нѣкуды зающѣ а не выплыгнути;
 Що въ насъ города все Турецькіи,
 Що въ насъ замки все Нѣмецькіи,
 Позащѣпованы, позамыкованы,
 Жовтымъ пѣскомъ позасыпованы.

Заюшка не гордися,
 Котрѣй паннѣ поклонися,
 Хочь старѣй, хочь малѣй,
 Хочь менѣ молодѣй.

А вотъ круговой танокъ историческаго происхожденія. Послѣ князя Михайла Михайловича Вишневецкаго и благочестивой княгини его Раисы, урожденной Могилянки, объ которыхъ добрая память осталась на Украинѣ въ трехъ монастыряхъ, Лубенскомъ, Густынскомъ и Ладинскомъ, наслѣдникомъ огромной ихъ Украинской вотчины, (простиравшейся отъ Полтавы до Прилуки въ одну сторону, и до Домонтова, на устьѣ Суоя, въ другую) остался храбрый княжичъ *Іеремія*. Онъ былъ «пожаданною утѣхою» для народа Украинскаго; но, жениась на Гризельдѣ Замойской, онъ отступилъ отъ Православія (около 1631 года) и сталъ тогда во взаимное нелюбіе съ Україною. Въ 1648 году, когда воздвигшійся Богданъ Хмельницкій началъ Полякамъ *веремля крутити* (е), князь Іеремія, имѣвшій званіе *Русскаго воеводы*, принужденъ, былъ разстаться навсегда со своею Украинскою Вишневецчиною, бѣжалъ изъ Лубенъ на Волинь и за то въ борьбѣ съ казачествомъ былъ онъ, какъ лютый звѣрь. Въ слѣдующее лѣто выдержалъ онъ Тернопильскую осаду въ *Збаражѣ*,

(е) Величко въ своей Лѣтописи (см Т. I. стр. 68), описывая знаменитую Корсунскую побѣду 16 Мая 1648 года, говоритъ: « скоро теди Поляки зъ своихъ висунулися окоповъ, заразъ Хмельницкій зъ Ордою началъ около нихъ (якъ приказують) *веремля крутити....* ».

при чемъ былъ раненъ въ ногу. По этому случаю сложена была козаками насмѣшливая пѣсня, приглашающая славнаго Русскаго воеводу вывести танецъ по Нѣмецки. Припѣвъ ея съ разными пѣснями понынѣ повторяется въ веселомъ дѣвическомъ танкѣ *выступить*. Дѣвчата, при пѣніи каждаго двустишія, идутъ широкимъ кругомъ; но за припѣвомъ онѣ устремляются въ припрыжку, то въ середину круга, направивъ кулаки впередъ, чтобы столкнуться, то подаются назадъ.

Ой на ставку, на ставку,
Поймавъ соколъ ластовку.

Выступцемъ,

Выдробцемъ:

Пане Вишневецкій,

Воевода Кгрецькій,

Да выводъ танчокъ по Нѣмецкій!

Просилася Настуся

Въ молодого Петруся:

Пусти мене въ таночокъ

Погуляти до дѣвочокъ.

Тодѣ тебе я пущу,

Якъ кѣсоньку роснущу.

Изъ танковъ, выводимыхъ однимъ ключемъ, самый летучій—*галка*. Ставшая на одномъ концѣ проводитъ за собою весь ключъ подъ руками послѣдней пары, а тамъ также проводитъ стоявшая на другомъ концѣ; и такимъ порядкомъ весь ключъ уходитъ иногда за версту, передвигаясь впередъ то прямо, то излучисто. За каждымъ разомъ поютъ:

Ой галь-галь, чорна галочко!

Ой галь-галь, красна панночко!

Стань же намъ да до помочи,

Зъ хорошими, зъ хорошими дѣвочками,

Зъ красными, зъ красными панночками!

Ой ты, Марусю, скочь на конець;
А ты, Олесю, веди конець!

Танокъ *просо-спясть*, любимый всею Русью, отъ Карпатъ и до Урала, здѣсь, на Днѣпровскомъ побережьѣ, разыгрывается въ слѣдующемъ видѣ. Ставши въ два ключа, лицомъ одинъ къ другому, дѣвчата поочередно поютъ, кланяючись:

- 1-й Ключь: Ой мы въ поле выѣдемъ, выѣдемъ—
Ой мы зъ Ладомъ выѣдемъ, выѣдемъ.
2-й — А мы нивку выоремъ, выоремъ—
Ой мы зъ Ладомъ выоремъ, выоремъ.
1-й — А мы проса насѣемъ, насѣемъ.
2-й — А мы кони пустимо, пустимо.
1-й — А мы кони займемо, займемо.
2-й — А мы кони выкупимъ, выкупимъ.
1-й — Мы на купчу не глянемъ, не глянемъ.
2-й — Мы сто рублѣвъ кладемо, кладемо.
1-й — На сто рублѣвъ не глянемъ, не глянемъ.
2-й — Мы бабуся додамо, додамо.
1-й — Мы бабуси не хотимъ, не хотимъ.
2-й — Мы дѣвочку додамо, додамо.
1-й — За дѣвочку ни слова, ни слова.
2-й — Бувай, дѣвка, здорова, здорова!

При этомъ одна дѣвка переходитъ въ первый ключь, которому говорятъ:

Бдите, поѣдьте до насъ!

А тѣ отвѣчаютъ, тоже говоромъ:

Нема короля дома,
Поѣхавъ по дрова,
Пиво варити,
Сына женити,
Дочку давати,
Насъ на весѣлье звати!

Танокъ *Шумъ* играется на Днѣпровскомъ побережьи. Дѣвчата становятся въ два ключа, одинъ за другимъ параллельно, и при этомъ поютъ:

Ой нумо жъ мы нумо,
Въ Зеленого Шума.
А въ нашего Шума
Зеленая шуба.

За тѣмъ оба ключа бѣгутъ разомъ впередъ, а потомъ назадъ, распѣвая самымъ сильнымъ голосомъ, сколько мѡга:

Ой Шумъ ходить, по водѣ бродить;
А Шумиха рыбу ловить,
Що вловила, то й пропила,
Своѣй дочцѣ не вгодила.
Пожди, доню, до суботы,
Куплю сѹкню, ще й чоботы!
—Або жъ менѣ сѹкню крайте,
Або менѣ жениха дайте!
Або жъ менѣ кулешу наварить,
Або менѣ жениха привести!

Такъ въ этомъ зеленомъ шумѣ дѣвчаты отозвался Днѣпръ, убирающийся въ зелень своихъ луговъ и острововъ, шумящій въ весеннемъ разливѣ своемъ и дающій тогда полное приволье рыболовству. Въ одно весеннее утро я видѣлъ здѣсь, что и воды Днѣпра, и его песчаная *Бѣлая-коса* за *Шумиловкой*, и самый воздухъ надъ нимъ—все было зелено.... Въ то утро дулъ порывистый *горшій* т. е. верховой вѣтеръ; набѣгая на прибрежные *ольховыя кусты*, бывшіе тогда въ цвѣту, онъ поднималъ съ нихъ цѣлыя облака зеленоватой цвѣточной пыли, и развѣвалъ ее по всему полуденному небосклону.

Всеобщая гульба и веселье свѣтлопраздничное повершается въ началѣ слѣдующей недѣли, называемой *Проводною*; оно повершается поминаніемъ родичей на ихъ *могилкакъ* или *гробкахъ*. Обыкновенно въ *понедѣльникъ* собирается народъ на кладбище, неся туда крашанки, *книші*, пироги, *рѣжанку* и всякую другую страву, кромѣ вареной; а къ тому и *пляшку горьлки*, составляющую *непремѣнную* обрядную принадлежность всѣхъ

важныхъ случаевъ и праздниковъ Украинской жизни отъ колыбели до могилы. По приходѣ на могилки родителей и родичей, говорятъ имъ: Христось воскресъ! Между тѣмъ служится общая панихида въ церкви, а по хуторамъ и деревнямъ — подъ открытымъ небомъ на кладбищѣ; и послѣ того священникъ съ кадиломъ обходитъ порознь всѣ тѣ могилки, гдѣ есть поминальщики. Тогда обѣдаютъ вокругъ могилокъ родичи и сосѣди (за исключеніемъ взрослыхъ дѣвчатъ), а также и *старци*, т. е. нищіе, которымъ подаютъ милостыню особенно въ эти недѣли, по той вѣрѣ, что самъ Господь ходитъ по землѣ въ видѣ нищаго, съ *Великодня* и до *Вшестя* (Вознесенія). Украинцы вѣрятъ также, что во всю Свѣтлую седмицу открытъ рай, и что всѣ умершіе въ эти дни будутъ въ раю; да и въ каждый Воскресный день случающаяся смерть человѣка почитается счастливою. Когда усядутся вокругъ могилокъ, тогда начинается круговая зауспокойная чарка, вызывающая умиленные рѣчи и слезы о покойникахъ: чтобъ имъ «лѣгко лежать и землю держать, а на томъ свѣтѣ царство небесное!» — «нехай со святыми спочивають, да й насъ дожитають!» и т. п.

Начатыя на могилкахъ поминки расходятся по хатамъ и тамъ доканчиваются; и тогда уже на *подпитку* распѣваются разные поучительные стихи, особенно о смерти—

«Якъ положить грѣшне тѣло
На дубову лаву....»

Покойника на Украинѣ кладутъ и отпѣваютъ не на столѣ, а на лавѣ. Къ тому-то и въ пѣснѣ жена, въ сердцахъ на мужа своего поетъ ему:

«Хибà тодѣ затужу,
Якъ на лавѣ положу;
Хиба тодѣ заплачу,
Якъ на лавѣ побачу!»

Не довольствуясь поминальными *Проводами* всѣхъ родичей въ понедѣльникъ, женки собираются по хатамъ еще и во *вторникъ*— поминать *дядинѣкъ*, т. е. дядьковскихъ женъ, по которымъ и этотъ

дополнительный *жопочій* или *бабскій* праздникъ называется *дя-дниками*, а въ Переяславскомъ уѣздѣ *Громницами*. Но обыкновенно на Украинѣ *Громници да блискавици* полагаются въ первый вторникъ Петровки, послѣ понедѣльника, называемаго *Рóзырами*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ празднованіе *могилокъ* перенесено съ понедѣльника на *вторникъ Провой*; а въ городѣ Золотоношѣ вмѣсто того на *могилки* собираются въ *Мироносный понедѣльникъ*: тамъ на кладбищѣ находится и небольшая церковь во имя *женъ Мироносицъ* (ж). Съ проводнымъ вторникомъ кончаются уже для обоюго пола Великодные праздники, и жизнь Украинскаго селянина входитъ съ новою силою въ свою работную, буднишнюю колею. Куски и крошки паски, скорлупы крашанокъ и всѣ прочіе останки *свяченаго*, сбереженные тщательно, пускаютъ на воду; а часто ихъ сберегаютъ вмѣстѣ съ дробкѣми соли свяченой и артосомъ или *Дарникомъ*, какъ цѣлебное средство, особенно для отелившихся коровъ. Свяченое сало почитается лучшею мазью для воловъ, когда у нихъ отъ ярма натрутся шеи. Остатки всего *свяченаго* сберегаются, и какъ охранительное средство будущимъ хлѣбнымъ скирдамъ отъ мышѣду. Ведется по всей Украинѣ повѣрье, что если мышъ съѣстъ хоть крошку святой паски, то обращается въ *кажанà* (летучую мышъ).

Изъ постоянныхъ дней Апрѣля главный 23-й *Юрьевъ день*, почитаемый за великій праздникъ, по особенному уваженію всего Христіанскаго міра къ *Побѣдоносцу Георгію*. Сей святой витязь на бѣломъ конѣ—«лицемъ бѣше красенъ, и храбръ вельми», и прославленъ, какъ низложитель Ливійскаго змія; а по своему имени св. *Георгій—Земледѣлецъ*, и почитается издревле покровителемъ земледѣлія и скотоводства. Такъ и на Украинѣ. *На Егоріа*—каждое село выходитъ въ поле, для молебствія и освященія посѣвовъ озимыхъ и яровыхъ, при чемъ бываетъ освященіе криницъ и колодезей; и съ этого дня уже не пускаютъ скота ходить по полямъ *бѣзбашъ*, т. е. безъ пастуха; до Юрьева дня даже нарочно *сбиваютъ* житà скотомъ, чтобы онѣ лучше росли въ новыя стрѣлки. Съ этого же дня запрещается пускать скотъ и на тѣ *луки и степы*,

(ж) Во многихъ мѣстахъ Украины, кромѣ Проводныхъ *могилокъ*, прицерковныя *сестрички* устрояютъ панихиду и номинальный обѣдъ еще въ понедѣльникъ *Мироносный*.

которые назначаются подъ сѣнокосъ. А объ запасномъ кормѣ ведется пословица, что—«и въ дурня стане сѣна до Юрья, а у розумного до Николы».

Украинскій селянинъ примѣчаетъ на Юрья вышину своей озими: «коли сховается въ житѣ ворона, то буде урожайне лѣто; а якъ горобцю по колѣна, то буде лихе лѣто». Предвѣстницею урожая служить и *зозуля* (кукушка): «коли закуе до Юрья на голе дерево, то буде голодне лѣто; а якъ на листь, то буде полѣтье». Зозулю представляютъ кующею на дерево; потому и про тѣ кольца, что складываются изъ мотыльковыхъ яичекъ на вишневыхъ и другихъ вѣткахъ, говорятъ, что то «Зозуля наковала». Не одинъ украинець съ началомъ весны носитъ при себѣ копѣйку *про Зозулю*, чтобъ показать ей, послышавъ ее въ первый разъ, и чтобъ она наковала ему копѣйку на весь годъ. Но не объ одномъ только наступающемъ лѣтѣ куеть вѣщая зозуля Украинцамъ; у нея часто запытываютъ дѣвчата, черезъ сколько лѣтъ онѣ выйдутъ за мужъ? Порою и старикъ спроситъ у нея: сколько лѣтъ ему жить еще на этомъ свѣтѣ? А объ соловьѣ, прилетающемъ изъ *вырая* почти въ одну пору съ кукушкою, говорятъ, что онѣ только съ Юрьева дня начнетъ пѣть свою настоящую пѣсню *тѣхъ-торорорѣхъ*; а до Юрья онѣ только *цвѣринькаетъ*, заурядъ съ прочими пташками.

Юрова роса почитается на Украинѣ цѣлебною для очей; для того и собираютъ ее, обыкновенно цѣдилкою, которую оставляютъ на травѣ на ночь подъ Юрьевъ день. А во время обѣдни каждая Украинская хозяйка ставитъ свѣчу передъ образомъ св. Георгія, прося его, чтобъ онѣ доглядѣлъ ея овечку или телицу; а содержатели скота, особенно *чередники* и *ватажники*, на Юрья постятся до захода солнца, а иные даже не гонятъ и скота на пашу, а кормятъ на дому. Такой обычай соблюдается *про звѣря*, т. е. про волка (которому собственно и принадлежало въ древнее время имя *мотаго-звѣря*); ибо на Украинѣ говорятъ, что «святый Юрь звѣра пасе», — и волкъ считается *Юровою собакою*, которая безъ его дозволенія не займетъ ни скотины, ни людины. Такъ и у Велико-русскаго народа говоритъ пословица: «у волка въ зубахъ, что Егорій далъ».

Чередники, ватажники и табунщики къ Юрьеву дню отпускаютъ себѣ бороды; ибо Украинцы вообще *голятъ* бороды съ давняго времени, хотя и неизвѣстно, съ какого именно. Впрочемъ на Украинѣ

въ старину борода считалась украшеніемъ стараго человѣка. Такъ достославный Гетманъ Петръ Конашевичъ — Сагайдачный, скончавшійся въ Кіевѣ 1622 года, 10-го апрѣля, на Проводной недѣль, носилъ бороду (з). Храбрый Лубенскій Полковникъ Леонтій Леонтьевичъ Свѣчка, въ концѣ XVII вѣка, тоже ходилъ съ бородою. Да и въ старинныхъ пѣсняхъ Украинскихъ говорится, на примѣръ:

«Дѣду мой, свѣте мой,
Шовковая борода!»

Что касается до подбѣриванія головы, то старобытные козаки, особенно Запорожскіе, оставляли и лелѣяли на головѣ чубъ, по образу Святослава Хоробраго (п), легко ходившаго въ войнахъ, — *аки Пардусъ*. и сложившаго свою чубатую голову у Днѣпровскихъ пороговъ, съ наступленіемъ весны 972 года. Въ нѣкоторыхъ Приднѣпровскихъ мѣстахъ еще и теперь козаки, особенно молодые, ходятъ въ чубахъ или оселѣдцяхъ. Но господствующее нынѣ въ Украинскомъ народѣ подбѣриваніе головы въ чуприну распространилось, кажется, въ XVII-мъ вѣкѣ, въ подражаніе обычаю Польскому. Заднѣпровскій козакъ, написавшій въ томъ вѣкѣ лѣтопись, названую *Лѣтописью самовидца* (1846, см. стр. 12), говоритъ, что въ 1648 году на Украинѣ «ремесники молодые головы собѣ голили по Польску, чуприну пускаючи на верхъ головы.»

У Святославова внука, Ярослава Владиміровича, Христіанское имя было *Георгій*, и онъ, съ 1032 года, строя города по рѣкѣ Роси, поставилъ тамъ городъ *Юрьевъ*, при которомъ была и особая *Юрьевская* епархія (извѣстная съ 1072 года и до нашествія Батыева). А въ послѣдніе годы своего княженія, Ярославъ поставилъ въ Кіевѣ церковь съ монастыремъ, во имя св. *Георгія*, предъ воротами Софійскаго храма. По ея освященіи Митрополитомъ Иларіономъ 26

(з) См. портретъ его въ 3 книгѣ *Кіевлянина*, 1850, на стр. 151, взятый изъ современной книги: «Вѣрши на жалосный погребъ зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного». 1622

(п) Такъ названъ воинственный Князь Святославъ Игоревичъ въ Волынской лѣтописи, подъ 1254 годомъ: «не бѣ бо въ землѣ Русцѣй первѣе, иже бѣ воевалъ землю Чешьску — ни Святославъ Хоробрый, ни Володимѣръ Святый».

ноября , Ярославъ «заповѣда по всей Руси творити праздникъ св. Георгія мѣсяца Ноября 26 день». (i) И такимъ образомъ учрежденъ тогда на Руси праздникъ св. Георгія *осенняго*.

Въ позднѣйшіе вѣка тоже воздвигались церкви и обители во имя св. Побѣдоносца—въ разныхъ мѣстахъ Украины. Такъ въ XVII-мъ вѣкѣ подъ Золотоношею , на островку , похожемъ на скирду сѣна и называемомъ *Красною Горкою* , возникъ небольшой скитокъ , съ небольшою плетневою церковью во имя св. *Георгія*. Стараніемъ Золотоношскаго Сотника *Войцы Сербина* и земляка его, Переяславскаго Полковника, *Дмитрія Григорьевича Раича* (или Думитрашка Райче), тотъ скитокъ былъ обращенъ (около 1687 г.) въ монастырь *Красногорскій*. Въ Кіевскомъ Выдубицкомъ монастырѣ Стародубовскій Полковникъ *Михайло Миклашевскій* 1696 года построилъ своимъ иждивеніемъ каменную церковь св. *Георгія*; и съ той поры тамъ собирается въ Юрьевъ день народное гулянье. А здѣсь, на Днѣпровскомъ Побережьи, верстахъ въ 12-ти выше Супоя, надъ селомъ Бубновскою слободкою, есть древнее *Городище*, весьма искусно устроенное на углу крутаго и глубокаго Яра. На это замѣчательное мѣсто , съ котораго открывается такой живописный просторъ и въ степь, и на Днѣпръ, и на гористое Заднѣпровье , въ *Юрьевъ день* издавна поселяне окрестныхъ селъ сходятся на гулянье; а по какому случаю повелось оно , неизвѣстно. Въ разказахъ объ этомъ городищѣ нѣтъ ничего особеннаго , ему исключительно принадлежащаго, а только общая обо всѣхъ подобныхъ мѣстахъ молва , что тутъ была нѣкогда церковь, ушедшая въ землю.... Въ этой повсемѣстной молвѣ, переходящей изъ рода въ родъ, не отзывается ли та предковѣчная быль , что всѣ эти *рѣбленья могилы и городища*, такъ знаменательно выдающіяся по Украинскимъ степямъ, возникли первоначально какъ молитвенные храмы того народа, который впоследствии перешелъ въ баснословные разказы Украинцевъ о *Вѣлетняхъ* и другихъ первожителяхъ земли Южнорусской, и отъ котораго прочія степныя могилы , *круглыя и*

(i) Такъ въ древнемъ Прологѣ XIV вѣка (см. *Кіевлянинъ* кн. III стр. 67 , гдѣ именно сказано, что Георгіевскую церковь святилъ Митрополитъ *Иларіонъ*, какъ показано было и въ Патерикѣ С. Коссова. И такъ это было между 1151 — 54 годами, а не 1045 года, какъ значится въ позднѣйшихъ каталогахъ Кіевскихъ.

острыя. остались, какъ памятники надгродные? Такъ, на лѣвой сторонѣ Трубежа, подъ Переяславомъ, есть круглая могила *Свидова*, о которой говорятъ въ народѣ, что она насыпана надъ Вѣлетнемъ *Свидомъ*.

Къ числу забавъ Юрьевского гулянья на Бубновскомъ городищѣ принадлежитъ катанье красныхъ яицъ, столь любимое по всей Руси. Во многихъ мѣстахъ Украйны дѣвчата, послѣ обѣда въ Юрьевъ день, выходятъ катать крашанки въ полѣ на житѣхъ, и тамъ закапываютъ ихъ въ землю до начатія жатвы.

М. Максимовичъ.

1856 г.

Мпхайлова Гора.

902.2
M-17